

спутник» (1928) — история прихода в революцию старого русского интеллигента, **«Гравюра на дереве»** (1928) — об искусстве и судьбе художника; произведение, проникнутое духом Ленинграда, поэтическими реминисценциями из Достоевского и в то же время сатирическим ядом против приспособленчества в искусстве.

Л. обращался в своей прозе к самым разным жанрам, но наиболее полно его художническая индивидуальность раскрылась в драме. В 1925 он опубликовал романтическую мелодраму **«Мятеж»** о белогвардейском восстании в Ташкенте в 1919, в 1926 — историческую драму **«Кинжал»** о декабристах.

Итогом творческих поисков драматурга стала драма **«Разлом»** (1928). В основу пьесы легли исторические события: переход легендарного крейсера **«Аврора»** (в пьесе прозрачно переименованного в **«Зарю»**) в ночь на 25 окт. 1917 к Николаевскому мосту. Л. развил в драме две волновавшие его темы: участие флота в революции (к морской тематике Л. был равнодушен всю жизнь: будучи еще гимназистом, он пытался поступить в Морской корпус в Петербурге, но не прошел по зрению) и взаимоотношения интеллигенции и революции. Название пьесы символично: **«разлом»** происходит и в семье Берсенева (Берсенева — капитан **«Зари»**), и в сознании каждого героя пьесы, встающего по одну или другую сторону баррикады, и в жизни целой страны. **«Разлом»** был поставлен Театром Вахтангова в Москве и БДТ в Ленинграде; он сразу стал классикой советской драматургии.

В 1930-е Л. отдал дань романтике арктических открытий (повесть **«Большая земля»**, 1935), писал о борьбе испанского народа против фашизма (повесть **«Чертеж Архимеда»**, 1937; пьеса **«Начало пути»**, 1938). Событиям 1914 писатель посвятил неоконченный роман **«Белое и синее»** (1934; был неодобрительно встречен критикой) и документальную повесть **«Стратегическая ошибка»** (1934), сюжетно дополняющую финальные главы 1-й части романа. Во второй половине 1930-х Л. писал рассказы о солдатах революции, морях Красного флота.

С началом Великой Отечественной войны Л. ушел на фронт добровольцем. Был военным корреспондентом центральных периодических изд. на Балтике, на Севере, на Черноморье. Издал сб. рассказов **«Балтийцы раскуривают трубки»** (1942). В 1943 опубликовал героико-романтическую пьесу **«Песнь о черноморцах»**, в 1945 — драму

«За тех, кто в море!» (пьеса имела успех, много раз ставилась на театральной сцене).

Начиная с середины 1940-х Л. работал преимущественно как драматург (политическая драма **«Голос Америки»**, 1950; пьеса **«Лермонтов»**, 1953). Часто выступал как публицист по проблемам международной политики.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1982; СС: в 8 т. М., 1995.

Лит.: Штейнман З. Навстречу жизни. Л., 1934; Вишневская И. Борис Лавренев. М., 1962; Старикова Е. Б. А. Лавренев // Лавренев Б. СС: в 6 т. Т. 1. С. 5–30; Танакова Т. Я всегда буду любить революцию... // Лавренев Б. Ветер: Повести и рассказы. М., 1988. С. 5–26; Леонов Б. Б. А. Лавренев // Лавренев Б. Гравюра на дереве. М., 1989. С. 5–12.

В. Г. Макашина

ЛАВРОВ Леонид Алексеевич [11.11.1906, Казань — 13.9.1943, Москва) — поэт.

Выросший в семье агронома, Л., вопреки наставлению отца продолжить семейную традицию, по окончании школы поступил на филол. ф-т МГУ. С середины 1920-х стал видным поэтом лит. группы при ж. «Красное студенчество», руководимом И. Сельвинским. В 1926 опубликовал первое стих.— **«Подсолнух»**, а в 1929 вышел его первый поэтический сб. **«Уплотнение жизни»**, куда вошла поэма **«Нобуж»** («Наука об Уплотнении Жизни»), привлекая внимание критики. «Внезапный ритм, белый стих, который как бы начисто исключает всякую необходимость рифмы, истинно „свободный“, раскованный от множества условностей и в то же время кристально чистый, насыщенный остро увиденными красками мира, деталями, для видения которых нужно особо развитое зрение,— вот что представил молодой автор своим опытным ценителям» — так впоследствии объяснит успех Л. его соратник по объединению Николай Асанов. Вслед за **«Уплотнением жизни»** появляется второй сб. Л. **«Золотое сечение»** (М., 1933), содержащий, по определению автора, три «поэмы о душе», в которых чувствовалось влияние поэтики конструктивистов (особенно в поэме **«К истории одного проекта»**) — направления, трудно соединимого с поэтизацией «душевного». К 1941 Л. была подготовлена его третья книга стихов — **«Лето»**, одобренная самим А. Фадеевым («Лавров — поэт, несомненно, одаренный, со своим видением мира. Книгу его следует издать» — писал тот во внутренней рецензии). Изданию книги помешала война. К тому же смертельно больной (тяже-

лая форма туберкулеза) и не принятый даже в ополчение Москвы в октябрьские дни 1941 Л. не мог продолжать активную творческую деятельность.

Л. признавал за своей поэзией такие свойства: «Здесь, если хочешь, паноптикум / Всевозможных чудес, коллекция / Необычайных вещей и поступков, / Собрание мелочей мира, / Мимо которых, зевая, / Скользит обывательский облик». Чудеса открываются в самых заурядных принадлежностях быта — и даже мясорубка спит, «свернувшись зверенышем, хвостом подвернувши ручку». Это не просто наблюдательность, но напряженное всматривание, изучение пластических законов природы, «чтоб яснее видеть строенье мира». Это почти науч. целенаправленность, характерная для поэзии середины XX в. Но это настоящая поэзия, поскольку метафору определяет психологическая ситуация и предмет концентрирует чувство. Открытая рациональность сочетается в ней с неподдельным лиризмом, ставя в тупик некоторых критиков: Ан. Тарасенков обвинял поэта в «сенсуализме», а Д. Данин выделял рефлексию и созерцательность. Но за некоторой обособленностью лирического героя Л. скрывалась борьба за естественность человеческой жизни, полноту переживаний и отвергались пустая риторика и ложный пафос. В книге «Уплотнения жизни» даже названия стих. уплотнены до одного слова — «Тишина», «Здоровье», «Спокойствие». А в целом стихи Л. могут вызывать в памяти смелые и точные метафоры Ю. Олеши, ритмические сдвиги И. Сельвинского, философский бытовизм Б. Пастернака. Он мог свежо и одновременно эксцентрично нарисовать послегрозовую пейзаж: как «буря с хлопаньем бича уходит дальше, топоча», как «клубы пара, словно в бане, / Друг друга сталкивают лбами», а у «террасы, у ступенек / Простерт, как труп, намокший веник». А кончить внешне неприятно: «В своем степенстве неуклюжем / Гусыни шествуют по лужам, / В которых виден кое-где / Мир, отразившийся в воде».

Но за этой «описательностью» весь Л. — его пылливо расширенный взгляд, сылящийся охватить не предметы, но мир, целиком и надолго.

Соч.: Из трех книг: стихи. М., 1966.

Лит.: Брик О. О задумчивом бормотании // Лит. критик. 1933. № 7; Розенталь М. О глубине подлинности и кажущейся, о бедном страусе и знании действительности // Лит. критик. 1934. № 7; Тарасенков Ан. // Поэтический сб. М., 1934; Филиппов Г. Леонид Лавров. Из трех книг... // Звезда. 1967. № 7.

Г. В. Филиппов

ЛАГИН (настоящая фамилия Гинзбург) Лазарь Иосифович [21.10(4.11).1903, Витебск — 16. 6.1979, Москва?] — прозаик.

Окончил Московский ин-т народного хозяйства. Учился в Ин-те красной профессуры (Москва). Начало творчества — стихи, фельетоны, публиковавшиеся в комсомольской печати с 1921. Сотрудничал в газ. «Правда» и ж. «Крокодил».

В годы Великой Отечественной войны принимал участие в боевых действиях Дунайской военной флотилии в Николаеве, Одессе, Херсоне. Затем назначен писателем Политуправления Черноморского флота, сочинял листовки, писал рассказы, фельетоны, истории кораблей. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями.

События Великой Отечественной войны нашли отражение в рассказе «Дом с привидениями» (1943), в повести «Бронносец „Анюта“» (др. название — «Три черноморца», 1945). Герои повести, три моряка из Севастополя, пытаются на старом суденышке уйти от немцев. Писателю удалось соединить черты приключенческой лит-ры (занимательность, благополучный финал), героики и правдивые детали военной эпохи. В 1953 Л. получил официальное уведомление о присуждении Сталинской премии за роман «Остров Разочарования», но затем присуждение было отменено.

Первое значительное произведение — «Эликсир сатаны» (1934). Популярность писателю принесла повесть-сказка «Старик Хоттабыч» (1938, отд. изд. — 1940). Здесь отчетливо проявились характерные черты прозы Л.: интересный сюжет, насыщенный событиями, неожиданный ракурс изображения, смешение реальной жизни, быта с причудливыми фантастическими элементами. Старик Хоттабыч — «небытовой персонаж в бытовой обстановке». Это позволяет неожиданно со- и противопоставить разные эпохи, культуры, мечту и действительность. Главное в книге — приятие и утверждение современности. В авторском предисл. к повести говорится: «По понятию джиннов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желания они выполняли, это („драгоценные сундуки“.— Н. Д.) и было самое полное счастье, о котором только и можно было мечтать. <...> Ну а что, если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости, где власть богачей давно и навсегда уничтожена и где только честный труд приносит человеку счастье, почет и славу? Я старался вообразить, что получилось бы, если бы джинна спас из заточения в сосуде са-